

жественная минута эта несплошность простирается так далеко, что тяжкая, мучительная угрызенія совѣсти мучаютъ этого человѣка, повинуяму неподвижное лицо котораго вы видите здѣсь предъ собой, а если это такъ, то угаивать отъ суда что либо касающееся партіи и другихъ лицъ едва ли есть ему основаніе. Выгораживать своихъ соучастниковъ онъ очевидно, не хочетъ. Онъ хочетъ говорить то, что ему известно и говорить, не смотря на очевидное несообразіе, съ которымъ партія и вожаки ея во главѣ относятся къ этомуговору и къ раскрытію истины. Вы, конечно, замѣтили, что на судебномъ слѣдствіи центр тяжести борьбы сосредоточивался на томъ, что Рысаковъ указывалъ на участіе Гельфманъ и Тимофей Михайлова, а Желябовъ и Перовская всѣ свои запоздалыя усилія направляли на то, чтобы выгородить, на сколько возможно, изъ дѣла подсудимыхъ Гельфманъ и Тимофея Михайлова. На это я могу замѣтить только одно: если имъ тяжело смотрѣть на то положеніе, въ которомъ находятся подсудимые Тимофей Михайловъ и Гельфманъ, изъ котораго, я думаю, они не могутъ выйти ни въ какомъ случаѣ, то имъ нужно было подумать объ этомъ прежде. Замѣтъ ко второй группѣ показаній я отношу собственное, краткое, односложное сознание подсудимаго въ нѣхъ о стойтельствахъ, которыя касаются его самого, простое краткое сознание, съ умолчаніемъ всего, что касается другихъ: все говорить о себѣ или говорить все главное въ общихъ чертахъ, ничего не говорить о другихъ и не давая никакихъ указаній, которые могутъ нанести на какіе-либо слабды разыскивающую власть. Къ этой второй группѣ относится показаніе подсудимаго Кибальчича, близкое сюда къ этой же группѣ, съ нѣкоторыми условіями, принадлежатъ показанія и другихъ подсудимыхъ. Въ этихъ показаніяхъ къ собственному сознанію къ старанію умолчать или выгородить другихъ, присоединяются два стремленія: во-первыхъ постараться представить свое дѣло, свою партію, свѣе, позавуи, участіе, по главнымъ образомъ свою партію, въ крайне преувеличенномъ и ложномъ свѣтѣ, постараться увеличить размѣры до фантастичности, постараться а свазу прямо—вапугать, если бы напугать кого-либо было бы возможно, постараться сказать, что если здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ, стоитъ группа сильныхъ дѣателей партіи, то за ними тамъ, дальше, на свободѣ, есть еще другіе, которые идутъ по одному и тому же пути, что такихъ много и что партія располагаетъ могучими силами и средствами. Это стремленіе довольно понятно въ подсудимыхъ, но преслѣдуя его, подсудимые не знаютъ мѣры и границъ и переходятъ изъ сферы правдоподобія въ область ничуть неограниченной дикой фантазіи. Къ этому роду показаній въ которыхъ замѣтно и желаніе выставить себя въ извѣстномъ конспиративномъ партийномъ хорошемъ свѣтѣ, принадлежитъ показаніе Желябова и показаніе его другаго — подсудимого Перовской. Далѣе, къ третьей группѣ я отношу нежеланіе показывать не охоту говорить или просто довольно грубое, категорическое отрицаніе обстоятельство, касающагося даннаго подсудимаго, съ нѣкотораго рода ограниченіями. Такого рода показанія мы слышали отъ подсудимой Гельфманъ и въ особенности отъ Тимофея Михайлова. И такъ, будемъ вѣрить показаніямъ первой группы, сдѣловательно показанію Рысакова, вполне; будемъ вѣрить показаніямъ второй группы, по столбу, по кольцу она касается самихъ подсудимыхъ, и не удумѣ имъ вѣрить на основаніи тщательной критики въ томъ, въ чемъ они идутъ въ разрѣзъ съ обстоятельствами дѣла и окажутся противоположными личными стремленіями, и, наконецъ, не будемъ вѣрить третей категории показаній подсудимыхъ, противопоставляющихъ факту улики, голословное его отрицаніе. Резюмируя то, что я сказалъ, и перехода къ частности показаній подсудимыхъ, я, для большаго удобства нашего, для того, чтобы вы могли отбросить выводы обвиненія, ограничусь краткими печенежемъ сущности показаній подсудимыхъ и свазу, кому подсудимый Рысаковъ сознаетъ: въ злодѣяннго маріа вполне и въ принадлежности къ социаль-революціонной партіи—съ известными оговорками. Означаясь, онъ оговариваетъ: прямо—подсудимыхъ Желябова, Перовскую и Тимофея Михайлова, и, свенни, но не менѣе сильно—подсудимую Гесю Гельфманъ; подсудимые Желябовъ и Перовская сознаются въ тѣхъ же преступленіяхъ, что и Рысаковъ, кромѣ того, Перовская въ другомъ, приписываетъ ей, преступленію—въ посвателствѣ на Священную Особу въ Болѣ почившаго Императора, соршонномъ подъ Москвою 19 го ноября 1880 года. Желябовъ въ преступленіи подѣ Александровскомъ, -го ноября 1879 года," подсудимый Кибальчичъ, признается въ принадлежности къ партіи, въ царствствѣ, въ приготовленіяхъ къ одесскому покушенію осенью 1879 года и, наконецъ, въ приготовле-